

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

Е.О. Труфанова

ЭСКАПИЗМ: БЕГСТВО В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Аннотация. Основным предметом исследования является проблема эскапизма и эскапистского сознания и их роли в жизни человека. Показывается, что, поскольку одним из наиболее распространенных синонимов эскапизма является выражение «бегство от реальности», эскапизм связан с противопоставлением «реального мира» и «эскапистской реальности» мира фантазий, грёз, самообмана, виртуального мира, субъективной реальности, конструируемых сознанием индивида. Формулируются причины, истоки и разновидности эскапизма, вычлняются и рассматриваются «родственные» с эскапизмом понятия, такие как сублимация, отчуждение и др. Предлагается классификация эскапизма на «пассивный» и «активный», «внешний» и «внутренний», «умеренный» и «радикальный».

В качестве основной методологии исследования используется междисциплинарный подход к проблеме эскапизма, который позволяет наиболее всесторонне раскрыть данный концепт.

Научная новизна заключается в самой постановке вопроса об эскапизме и эскапистском сознании как об одном из фундаментальных свойств человеческого бытия. Эскапистское сознание предлагается рассматривать как модус функционирования сознания человека, в котором фокус деятельности сознания смещается с восприятия реального мира на восприятие и переживание событий виртуального, воображаемого мира. Показывается, что эскапистское сознание предполагает не просто уход в переживание актов и событий внутреннего мира человека, но сознательное творчество виртуального мира, который является целью «бегства». Показывается, что главной причиной эскапизма – ощущение отсутствия или недостаточности смысла существования, и, таким образом, эскапизм является «бегством» в поисках смысла.

Ключевые слова: эскапизм, эскапистское сознание, Я, смысл, гиперреальность, виртуальная реальность, самообман, романтизм, диссоциация, личностная идентичность.

Эскапизм и эскапистское сознание

Очень трудно найти какое-либо удовлетворительное определение эскапизма, поскольку ни одна из социо-гуманитарных наук не берет на себя полную «ответственность» за это явление¹. Эскапизм упоминается психологами, психиатрами, социологами, социальными философами, литературоведами, однако однозначное определение не формулируется, и это говорит о том, что не производится попытка рассмотреть ту фундаментальную роль, которую эскапизм играет в человеческом бытии.

Понятие «эскапизм» в обыденном употреблении встречается, как правило, в социальном и социально-психологическом контексте. Под эскапизмом чаще всего понимают «бегство» от некоей «активной жизненной позиции», уход от непосред-

ственной социальной реальности, предписанных социальных ролей. Под уходом может пониматься как интровертивное погружение «в себя», так и уход в виртуальный мир — мир книг, телесериалов, Интернета (в связи с развитием последнего разговоры об эскапизме звучат все чаще), и даже — реальный физический уход из одного места жизни в другое (затворничество, «дауншифтинг» и т.д.). Однако социальные проявления эскапизма — это хоть и наиболее явные его проявления, но они являются вторичными. Основой для эскапистского поведения (как внешнего проявления эскапизма) является базовая способность человеческого сознания к эскапизму, способность не только «ухода» от объективной реальности к субъективной, но и способность ухода от одних состояний субъективной реальности к другим.

Поскольку одним из наиболее распространенных синонимов эскапизма является выражение «бегство от реальности», мы можем сделать вывод, что речь идет о противопоставлении «реального мира» и «эскапистской реальности» — мира

¹ Я попыталась рассмотреть историю становления термина «эскапизм» ранее (см.: Труфанова Е.О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. 2012. № 3. С. 96–107).

фантазий, грёз, самообмана, виртуального мира, субъективной реальности, конструируемых сознанием индивида. В основе этого противопоставления лежит одно из фундаментальных в философии противопоставлений: противопоставление материального и духовного, мира физических объектов и мира состояний сознания. К. Поппер, обращаясь к этому противопоставлению, создает концепцию «трех миров» — физического, ментального и мира идеальных объектов. Хотя эти миры связаны генетически (физический мир порождает ментальный, а ментальный — мир идеальных объектов или объективного содержания мышления), они несводимы друг к другу, а в «третьем мире» научные идеи, теории, произведения искусства, порожденные ментальным миром, начинают развиваться по собственным законам, независимо от их авторов². Человек одновременно живет во всех трех мирах, он обладает «символической природой»³. Как пишет Кассирер, что человек, в отличие от других животных, «...живет не просто в более широкой реальности — он живет как бы в новом измерении реальности. Так обстоит дело не только в теоретической, но и в практической сфере. Даже здесь человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет, скорее, среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грёз. «То, что мешает человеку и тревожит его, — говорил Эпиктет, — это не вещи, а его мнения и фантазии о вещах»⁴. Таким образом, мы можем предположить, что «бегство от реальности» заложено в самой природе человека.

Действительно, не отрицая реальности физического мира, человек, тем не менее, придает все больше значения миру «второму» и «третьему», в том числе для того, чтобы более успешно ориентироваться в «первом». Объекты физического мира не просто присутствуют, не просто являются нашему сознанию, но они являются через призму нашего ментального мира. Эволюция человека — биологическая и социальная — приводит к его отрыву от физического мира природы и погружению

в мир социокультурный, в котором основной окружающей человека физической реальностью становится «вторая природа», природа окультуренная. «Физическая реальность, — отмечает Кассирер, — как бы отдаляется по мере того, как растет символическая активность человека. Вместо того чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника»⁵.

Понятый широко, эскапизм или склонность к эскапизму могут рассматриваться (и рассматривался) как одна из базовых характерных особенностей человека в целом⁶. Человеку по природе свойственно отрицать нечто безусловно данное в поиске чего-то нового, так, например, отстраняясь от природы, человек создает искусственную «вторую природу». В научном творчестве учёный часто отвлекается от непосредственно данной материальной реальности, которую он изучает и которую он пытается объяснить, и создает модели, которые, зачастую, возможны только в его голове (например, шестимерное пространство Калаби-Яу в современной «теории струн»). Любое творчество в целом построено на отвлечении от окружающей действительности и создании в творческом акте чего-то принципиально нового.

Эскапизм, на первый взгляд, трудно отличить от понятий мечты или фантазии. Любая мечта, казалось бы, уводит нас в воображаемое пространство-время и таким образом представляет собой эскапизм. Однако если фантазия является необходимой для эскапизма способностью человека, то мечта может носить как эскапистский, так и «реалистский» характер. Например, я мечтаю о достижении некой цели. В этом процессе сочетается, с одной стороны, представление себя в момент достижения данной цели (или после достижения), т.е. своего рода эскапизм в свое будущее, еще не достигнутое состояние. С другой стороны, подобная мечта содержит элементы плана, прогноза своих будущих действий, которые необходимо совершить для достижения данной цели. Некоторые мечты, тем не менее, носят изначально несбыточный характер и таким образом являются чисто эскапист-

² Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

³ Кассирер Э. Философия символических форм: В 3-х тт. / Пер. с нем. С.А. Ромашко. М.; СПб., 2002.

⁴ Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблемы человека в западной философии. М., 1988. С. 28.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ См., например: Хёйзинга Й. Homo Ludens // Хёйзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997.

скими (например, если я мечтаю о путешествиях по другим планетам). Эскапизм обязательно предполагает некоторое смещение сознания, отщепленные части сознания или «перемещение» сознания в пространстве-времени.

А. Эйнштейн показал, что пространство и время неразрывно связаны, что они неотделимы друг от друга. Это же касается не только физических пространства-времени, но и психологических пространства-времени внутреннего мира человека. И опять же, на это психологическое пространство-время до определенной степени распространяются законы теории относительности. Эта относительность проявляется в пространстве-времени субъективной реальности. Наполненный событиями отрезок времени кажется более длинным, нежели «пустой» (так, для ребенка, для которого каждый день содержит множество новых открытий, время тянется бесконечно, а для старика, который «уже все это видел» неделя пролетает как день), незнакомая дорога кажется длиннее привычного маршрута, даже если их физическая длина одинакова. Так, насыщенность пространства-времени новыми событиями трансформирует его восприятие. Как правило, эскапизм также связан с ментальным «перемещением» в некое иное пространство, отличное от реального, и с трансформацией внутреннего ощущения течения времени. Пространственно-временное измерение эскапизма можно выразить метафорой «путешествия» или же, как подсказывает сам термин «эскапизм», «бегства». В эскапистском акте мы всегда совершаем уход в некую виртуальную реальность, причем мы не только «сбегаем» в нее, но и предварительно ее конструируем. Именно эта продуктивная способность сознания к конструированию виртуальных миров и «путешествию» по ним и ложится в основу той особой составляющей индивидуального сознания, которую предлагается называть эскапистским сознанием.

Эскапистское сознание — одно из проявлений сознательной деятельности человека (включающее, однако, и бессознательные мотивы). Эскапистское сознание представляет собой такой модус функционирования сознания человека, в котором фокус деятельности сознания смещается с восприятия реального мира на восприятие и переживание событий виртуального, воображаемого мира. Важно отличать эскапизм от простого ухода в переживание актов и событий внутреннего мира человека, эскапистское сознание — это

не просто «уход в себя», это сознательное творчество виртуального мира, который является целью «бегства».

Причины и истоки эскапизма

Можно назвать несколько основных причин, которые лежат в основе эскапистской деятельности сознания.

- 1) Наиболее очевидной причиной является потребность в отдыхе, рекреации. Эта потребность вызвана как психологическими, так и нейрофизиологическими факторами: т.е. в отдыхе нуждается не только психика, но и мозг человека (по сути, эти два процесса взаимосвязаны). Понимаемый таким образом эскапизм может проявляться как в разнообразных формах досуга, так и в переходе к изменённым состояниям сознания с помощью биохимических воздействий (например, алкоголя), медитации или же просто в форме сна и сновидений. Данная потребность не всегда предполагает, что человек занимает «активную жизненную позицию» — кто-то может переключаться с одного «праздного» вида деятельности на другой, не выполняя никакой социально полезной функции. Именно об этой разновидности эскапизма чаще всего идет речь в научной литературе: эскапизм как уход от социально-полезной активности.
- 2) Вторая наиболее распространенная причина, связанная с первой, — это эскапизм как «бегство от». Если в первом случае речь идет о развлечении ради развлечения, то во втором эскапизм вызывается жёсткой необходимостью переключиться от негативных переживаний — психических, физических (например, чувство боли) и т.д. на некое «позитивное» состояние. Так, голодный грезит о прекрасном обеде, больной — о том, что он здоров, бедный — о том, что он богат. Человек, переживший тяжелое событие, стремится выкинуть его из головы. Эта форма эскапизма тесно связана с психоаналитическим понятием вытеснения. Сами способы эскапизма, которые применяются в таких случаях, могут быть такими же, как в первом пункте.
- 3) Скрытой причиной, которая, тем не менее, представляется мне наиболее важной для продуктивного понимания эскапизма, является «недонасыщенность» сознания индивида. Еще

Аристотель утверждал, что «природа не терпит пустоты». В состоянии сенсорной депривации через достаточно небольшой промежуток времени изголодавшийся по новой информации мозг начинает продуцировать сигналы сам, вызывая у человека иллюзии⁷. Так, мы можем предположить, что сознание индивида не терпит состояния, в котором оно не является полностью «заполненным», насыщенным состояниями или «Я»-образами. Сознание индивида требует вариативности, требует возможности неограниченного переключения с одного состояния на другое.

Проблема эскапизма становится в последнее время наиболее острой, в связи с тем, что современный человек обладает значительно большим количеством времени досуга и, следовательно, имеет больше возможностей для скуки, бегства от рутины и погружения в себя. Об этом пишет на примере современных европейцев М. Маяцкий в своем сборнике эссе «Курорт Европа»⁸. Всплеск эскапистских настроений относится к эпохе романтизма, и это, вероятно, объясняется тем акцентом, который романтики делали на внутреннем мире человека. П.С. Гуревич пишет, что романтики «высказали догадку, что человеческое бытие неизмеримо богаче его социального измерения. Индивиду вообще тесно в наличном историческом пространстве. Он легко с помощью воображения катапультирует себя в иные культурные миры, немногие из которых он сам же и творит. Отрекаясь от действительности, романтик вступает в неизведанные зоны собственного бытия. Преображая реальность, он постигает в себе нечто уникальное, независимое, принадлежащее только ему как живому существу. Здесь открывается, по существу, простор для неожиданного самоосуществления... Никакое иное живое создание не способно открывать в себе беспредельные миры»⁹. Действительно, ни в одну эпоху больше не возникало такой веры в неисчерпаемость творческих ресурсов внутреннего мира человека, и ни в одну эпоху индивид не ощущал так остро «тесноты» бытия и стремления вырваться за пределы этих сдерживающих оков.

Романтики в своих работах уделяли особое внимание природе. Во многом всплеск эскапизма в романтическую эпоху связан с возросшей ролью научно-технического прогресса, с противопоставленностью нового мира, мира индустриального, мира технологического и мира природного. В XIX в. для романтика — представителя прежде всего аристократического сословия и, следовательно, обладающего достаточным временем для досуга — мир заводов, железных дорог, телеграфов и банков — это и есть реальный мир, от которого он стремится оторваться, тогда как мир дикой, некультуренной природы — это мир фантазий, грёз. Парадоксальным образом, мир естественный рассматривается как эскапистский, нереальный мир. Жизнь «современного» человека XIX в. связана с благами технократической цивилизации, те, кто хотят оторваться от них — воспринимаются как «беглецы», поскольку они пытаются оторваться от «высшей реальности» (“paramount reality”), как ее называют Бергер и Лукман — т.е. реальности повседневной жизни¹⁰, воплощенной в их случае в технократическом мире. Подобные же ситуации можно встретить и в современном мире, например, в таком социальном феномене как «дауншифтинг»¹¹, который представляет собой протестное отношение к обществу потребления, выражающееся в отказе от карьеры и повышения доходов и переход к более спокойной и размеренной жизни в своем естественном ритме. Примером может служить офисный работник, которому надоело работать на благо компании и он жертвует и своей профессиональной самореализацией, и своим финансовым комфортом, уезжая жить в деревню или в другую страну, используя в качестве источника дохода, например, сдаваемую в наем квартиру. Целью «дауншифтера» является приобретение свободы и независимости, обретение большего времени для самореализации и т.д. По сути, это протест против описанного Марксом отчуждения от человека человечности¹².

Эскапизм в целом выступает в качестве способа борьбы с отчуждением. В том типе общества, ко-

⁷ Lilly J.C. The Scientist: A Novel Autobiography. Lippincott, 1978.

⁸ Маяцкий М. Курорт Европа. М., 2009.

⁹ Гуревич П.С. Философское толкование человека. М., 2012. С. 227.

¹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

¹¹ От downshifting (англ.) — переключение автомобиля на более низкую передачу.

¹² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 42. М., 1955–1981.

торое было описано К. Марксом и которое, во многих своих чертах, схоже с современным обществом, отчуждение человеческой сущности от человека в трудовой деятельности приводит к тому, что роль эскапизма крайне возрастает. По сути, в данном случае эскапизм является возвращением отчужденного, возвратом к себе, восстановлением утраченного экзистенциального смысла. Человек стремится заново обрести то, что было отчуждено в трудовом процессе, погружением в воображаемые миры: на самом обыденном уровне их с готовностью предоставляют массмедиа и индустрия досуга, однако это лишь самая простая разновидность эскапизма, которая отличается пассивной ролью субъекта. Нас же интересует в первую очередь эскапизм, обладающих творческим потенциалом.

Эскапизм как расщепление сознания, как самообман и как поиск смысла

Эскапизм как свойство человеческой психики имеет в качестве механизма способность индивида к диссоциации, отщеплению части сознательных переживаний от сознания в целом¹³. Таким образом, с проблемой эскапизма можно связать целый ряд понятий психоанализа. Понятие «расщепления Я» встречается у Фрейда и обозначает такое явление, встречающееся в ряде психозов, в ходе которого «внутри Я сосуществуют две психические установки по отношению к внешней реальности, которая противодействует требованиям влечения: первая установка учитывает реальность, вторая — отрывается от этой реальности и ставит на ее место продукт желания. Эти установки сосуществуют, не оказывая друг на друга никакого воздействия»¹⁴. Само расщепление становится возможным, прежде всего, благодаря процедуре *вытеснения*, в ходе которого, как описывает Фрейд, субъект стремится устранить, «вытеснить» в бессознательное некие мысли, образы, воспоминания, которые связаны с теми влечениями, удовлетворение которых может привести к конфликту, к негативным последствиям и т.д. В более широком смысле вытесняются негативные переживания в целом, что играет

роль психической «защиты»¹⁵. Фрейд, анализируя психозы, отмечает, что в них действуют две психические установки: «одна из них, нормальная, предполагает учет реальности, другая, под влиянием влечений, отрывает Я от реальности»¹⁶.

Сублимация — еще одно «родственное» эскапизму явление. Во фрейдовском психоанализе сублимация представляется как перенаправление или превращение сексуальной энергии либидо в энергию несексуальную, которая лежит в основе, в частности, творческой деятельности. В работах Фрейда так и остается до конца неясным, во что конкретно может сублимироваться либидо — в любую другую деятельность, отличную от сексуальной, или же только в творчество. В любом случае, механизм сублимации, если мы отбросим его сексуальное содержание, несёт в себе как мотив «бегства» (от инстинкта к социально-приемлемой активности, от *Оно* — к *Я*, или в широком смысле от природы к культуре), так и продуктивное начало эскапизма.

В работах Фрейда присутствует еще целый ряд понятий, которые мы могли бы связать с понятием эскапизма (например «отказ от реальности» (*Verleugnung*)), однако все они так или иначе могут быть подведены под понятие *диссоциации*¹⁷. Диссоциация, как правило, проявляется как некий вариант фрейдовского «вытеснения» — травматические, негативные переживания в данном случае не загоняются в подсознание, а как бы «отщепляются» от основной личности — либо путем забывания, либо путем формирования другой личности. Фрейд пишет, говоря о расщеплении сознания, что оно «...начинается преднамеренным, интенциональным актом. По сути, вытесненные содержания ускользают от субъекта и в качестве «отдельной группы психических явлений» подчиняются своим собственным законам»¹⁸.

¹⁵ Вытеснение // Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. 2-ое изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 142–147.

¹⁶ Freud S. Abriss der Psychoanalyse (1938). (Цит. по: Расщепление Я // Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. 2-ое изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 474).

¹⁷ Диссоциативные расстройства рассматривались мной ранее подробно, поэтому здесь я опускаю детальное рассмотрение этой темы. См.: Труфанова Е.О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. 2012. № 3. С. 96–107.

¹⁸ Вытеснение // Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. 2-ое изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 145–146.

¹³ Об этом подробнее: Труфанова Е.О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. 2012. № 3. С. 100–102.

¹⁴ Расщепление Я // Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. 2-ое изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 472–473.

Можно также упомянуть еще ряд психических нарушений, напрямую связанных с понятием «бегства», как номадизм, дромомания (греч. δρόμος «бег»), пориомания (греч. πόρος «путь»), вагабондаж (фр. vagabondage — «бродяжничество»). Все они обозначают одно и то же явление — непреодолимую тягу к буквальному бегству — перемещениям, к путешествиям, к бродяжничеству, отчасти подобную той, которую описал А.С. Пушкин в строках «Евгения Онегина»:

*Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест)¹⁹.*

Если Онегин страдает от весьма распространенного в эпоху романтизма «недуга», то в других случаях подобные симптомы, выражающиеся в побегах из привычной домашней обстановки, могут вызываться органическими поражениями головного мозга и тяжелыми психическими заболеваниями, однако в то же время их причиной может быть сенсорный голод — потребность в новых ярких впечатлениях. Так, ребенка с избыточной склонностью к фантазиям может побудить к бегству пример любимых героев книг или фильмов, однако чаще причиной бродяжничества становятся неблагоприятные условия дома или просто общее недовольство однообразным бытом — школой, родительским контролем и т.д.²⁰

Расщепление сознания не всегда представляет собой патологию. В повседневной жизни в качестве нормы присутствует множественность Я, в первую очередь — его удвоение — на Я-актера и Я-наблюдателя. Это удвоение особенно ярко наблюдается в ситуации самообмана, который также часто рассматривают как разновидность эскапизма, поскольку, по сути, в самообмане индивид бежит от самого себя. О самообмане именно в этом ключе пишет Сартр, отмечая, что «человеческое бытие... есть также и бытие, которое может занимать отрицательные позиции в отношении себя»²¹. В самообмане, по Сартру, человек отрицает свое бытие, утверждает, что он не является тем, кем он является (так, он приводит пример с гомосексуа-

листом, который отрицает, что он гомосексуалист, хотя и признает те действия и особенности, которые должны бы характеризовать его как такового. Тем не менее, он склонен считать свой случай как нечто специфичное, несводимое к подобному «ярлыку»). В приведенном примере Я-наблюдатель, рефлексируя над поведением Я-актера, отрицает не столько сами поступки, сколько мотивы этих поступков, стремится рассматривать их как «особый случай». В отличие от случаев диссоциации, это раздвоение не носит патологического характера, психика остается цельной. «Сама сущность рефлексивной идеи «скрывать от себя» нечто, — пишет Сартр, — предполагает единство той же самой психики и, следовательно, двойственную активность внутри единства, стремящуюся, с одной стороны, утверждать и обнаруживать скрывающуюся вещь, с другой — вытеснить ее и завуалировать; каждая из двух сторон этой активности дополняет другую, то есть предполагает ее в своем бытии»²².

Сартр подчеркивает противоречие, парадоксальность, заложенные в самой ситуации самообмана, говоря о том, что в самообмане сознание одновременно является и не является самим собой. Он обращается к понятию бегства, говоря, что «...первое действие самообмана есть бегство от того, от чего нельзя бежать, бегство от того, что есть. Итак, сам проект бегства открывает в самообмане глубокий распад внутри бытия, и именно этим распадом он хочет быть»²³.

Таким образом, самообман представляется Сартру бегством Я от самого себя, бегством, которое часто выражается в отказе видеть себя таким, каким тебя могут видеть другие. Самообман часто связан с попыткой самооправдания, с нежеланием принимать те или иные проявления своей личности. Д.И. Дубровский видит в самообмане механизм самоидентификации. «Фрагментарность личности — «составленность» Я из казалось бы несовместимых смыслообразующих частей (склонностей, оценок), взаимоисключающих интенций также делает неподлинную аутокоммуникацию, по-видимому, единственно возможным средством сохранения тождества личности (хотя бы слабого, балансирующего на грани патологии)»²⁴. Таким образом, само-

¹⁹ Пушкин А.С. Евгений Онегин. Гл. 8, XIII.

²⁰ Дромомания // Популярная психологическая энциклопедия. М., 2005. С. 213-216.

²¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2004. С. 82.

²² Там же. С. 88.

²³ Там же. С. 104.

²⁴ Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М., 2010. С. 139.

обман играет, по мнению Дубровского, ключевую роль в сохранении личностной идентичности — сочетать несочетаемые Я-образы становится возможно только благодаря самообману. По сути, здесь проявляется эффект когнитивного диссонанса.

Понятие самообмана по аналогии с понятием обмана имеет отрицательное звучание, идущее из моральной философии. Самообман в контексте психологии также рассматривается как нечто негативное, связанное с отрицанием, вытеснением и т.п. Однако самообман, проявляющийся в эскапистском «бегстве» от ряда проявлений собственного Я, является необходимой частью индивидуального бытия, он не только позволяет сгладить противоречия между различными идентификациями, но он позволяет создавать новые Я-образы, которые могут более продуктивно быть использованы в ряде жизненных ситуаций, нежели «подлинные». Самообман не может быть тотальным, поскольку в таком случае человек полностью утратит чувство реальности, однако до определенной степени самообман всегда присутствует в самосознании, играя при этом как позитивную, так и негативную роль. Склонность к самообману, как пишет Дубровский, «...проявляется в нежелании знать правду, в бессознательном уклонении от некоторых знаний о себе, в их вытеснении, а нередко и в активном поддержании иллюзорных самоотображений и всевозможных «выгодных» верований... Такого рода склонность свойственна в той или иной степени всем людям, отвечает некому родовому интересу»²⁵.

Одной из главных причин самообмана, как и главной причиной эскапизма, является ощущение отсутствия или недостаточности смысла существования. Д.И. Дубровский также отмечает эту особенность, говоря о том, что «люди охотно становятся приверженцами «учений», социальных мифов, ибо последние поставляют индивиду столь необходимые ему смыслы существования, укореняют его в бытии. На поверку часто оказывается, что это квазисмыслы, но до тех пор, пока человек испытывает чувство причастности к великому, возвышенному, вечному, пока действует «дурная вера», это не имеет значения. Самообман такого рода питается фундаментальной потребностью человека в обретении смысла существования»²⁶. Схожие мотивы, хотя и в

несколько другом контексте, называет и Э. Фромм в своей известной работе «Бегство от свободы»²⁷.

Поиск осмысленности бытия, попытка насытить жизнь смыслом, были важны и для романтиков. «Образ человека в романтизме сопряжен с постоянной и острой тоской по человеческой невосполненности, незавершенности. Такое рассогласование человека с самим собой явилось мощным духовным импульсом для возможного, порою реализуемого только в сфере грезы, преодоления собственной односторонности»²⁸. Трагическое мироощущение романтика — это мироощущение человека с кризисом идентичности.

Об острой потребности в наличии смысла существования пишет Франкл: «...человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя... Таким образом, он, по сути, может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя, не обращает на себя внимания»²⁹. Этот пассаж в применении к рассматриваемой проблеме эскапизма можно трактовать двояко. С одной стороны, Франкл пишет об отказе от погружения в себя и переключении на нечто внешнее в мире — на миссию или на другого человека, т.е. настаивает на активном взаимодействии с окружающим миром ради обретения смысла. С другой стороны, уход от себя и погружение в другого человека, в некое дело и т.д. — разве это не все то же «бегство» — от одних состояний своего сознания к другим. Именно вторая трактовка представляется более подходящей, если рассмотреть следующее его утверждение. Франкл отмечает, что на основании своего драматичного опыта пребывания в Освенциме и Дахау, он сделал вывод, что наибольшие шансы выжить имели те, кто был «направлен в будущее, на дело, которое их ждало, на смысл, который они хотели реализовать»³⁰. Таким образом, эскапистское сознание заключенных концлагеря позволяло им «сбежать» от экстремаль-

²⁵ Там же. С. 137.

²⁶ Там же. С. 143–144.

²⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.

²⁸ Гуревич П.С. Философское толкование человека. М., 2012. С. 228.

²⁹ Франкл В. Человек перед вопросом о смысле // Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 29–30.

³⁰ Там же. С. 36.

ных условий лагерной жизни, отвлечься от них, погрузившись в решение некой внутренней задачи, мысленно переносясь в воображаемое будущее, которое наступит после их освобождения. Таким образом, самообман, описываемый Франклом (а здесь вера в возможность освобождения, новой жизни после заключения была в первую очередь именно самообманом) придавал человеку силы для выживания, он осуществлялся с помощью «бегства» в воображаемое будущее.

Так, мы можем сделать вывод, что самообман является широко распространённой разновидностью эскапизма, и может играть не только негативную роль (например, нежелание решать некие проблемы, просто отказываясь видеть их существование), но и позитивную (давать человеку силу, надежду, смысл для дальнейшего существования). Но главным выводом является то, что эскапизм мы можем рассматривать как «бегство» за утраченным (или не найденным) смыслом бытия.

Бегство в «гиперреальность»

Для эскапизма, в особенности для эскапизма в современную, пронизанную массмедиа эпоху, характерно желание наполнить свою жизнь событиями «bigger than life»³¹ (этот термин часто используется в рекламе продуктов современной масс-культуры, прежде всего, фильмов, чтобы подчеркнуть какой яркостью и реалистичностью обладают разворачивающиеся на экране события) или «гиперреальности» («hyperreality»), используя термин У. Эко³². «Гиперреальность» противопоставляется «высшей реальности» повседневной жизни: она выступает как плацебо от однообразия, заставляя человека на время забыть о серых буднях, погрузиться в особое новое состояние, которое тем привлекательней, чем отдаленней оно от повседневности. Большинство великих произведения литературы или кинематографа повествуют о людях, оказывающихся в ситуациях необычных, выходящих за пределы повседневности. Герои художественных произведений оказываются втянутыми в важные исторические события, они совершают удивительные путешествия, знакомятся с особенными людьми и т.д. Словом, они испытывают такой опыт, который встречается в жизни далеко не каждого человека, тем не менее,

человек подспудно желает его, поскольку такой опыт придал бы особый смысл его жизни. Каждый стремится считать свою индивидуальную жизнь чем-то особенным, непохожим на жизнь другого человека, и в поисках подтверждения этой особенности он жаждет особых событий, которые могли бы «украсить» его жизнь. Именно это желание стремится удовлетворить также и массовая культура в своей продукции, фильмах и книгах о «избранных», людях со сверхспособностями и т.д., удивительных приключениях в воображаемых мирах.

Конструирование этих миров достойно отдельного исследования. Воображаемые миры являются неотъемлемой частью мифологии и религии, но они присутствуют также в общественном сознании за пределами мифологических и религиозных сюжетов. Таковы легенды о Крайней Туле, царстве Пресвитера Иоанна, Эльдorado и т.д.³³ Отдельное место в таких легендах занимают утопии. Неизбежно напрашивается аналогия эскапизма и утопизма: действительно, механизмы действия эскапистского и утопического сознания во многом схожи. Один из первых утопистов, Платон, противопоставляя свой «идеальный» мир миру земному, именно первый рассматривает как настоящий, истинный, хотя с точки зрения обыденного сознания он-то как раз и является воображаемым, вторичным. В мире идей содержится собственно идеал, к которому необходимо стремиться во всем — от познания мира до построения идеального государства³⁴. Утопия сродни обещанию загробного мира с его спокойствием, упорядоченностью и безбедным существованием. Однако, как верно замечает английский поэт и эссеист Артур Бенсон, проблема большинства утопий в том, что совершенно непонятно, как в них живут люди, которым нечего уже улучшать, не к чему стремиться³⁵. Так, обещание рая в тяжелое мгновение жизни может оказаться утешением, но в моменты душевного спокойствия и благополучия загробный мир не выглядит таким уж привлекательным, будь то рай или ад. Этот мир, как верно отмечает Бенсон, является финальным, окончательным, он лишён дальнейших изменений, лишен будущего и потому скорее пугает, неже-

³¹ «Больше, чем жизнь» (англ.).

³² Eco U. Faith in Fakes. Travels in Hyperreality. London, 1998.

³³ Эко У. История иллюзий. Легендарные места, земли и страны. М., 2014.

³⁴ Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 47–58.

³⁵ Benson A.C. Escape, and Other Essays. N.Y., 1915.

ли вдохновляет. Лучший мир, в который стремится эскапист, зачастую отличен от загробного мира или утопии: он необязательно более справедливый, совершенный и лишённый бед, он просто иной, отличный от повседневного мира человека. Эскапист стремится «убежать» не только и не столько от невзгод, сколько от рутины, от однообразия. Таким образом, утопию мы можем рассматривать как одну из разновидностей эскапизма.

Каким образом эскапист может «попасть» в «гиперреальность»? Наиболее простым (и потому — наиболее распространенным) способом «бегства» является пассивное переключение сознания в виртуальную реальность компьютерной игры или просмотр телесериала, то в то же время эскапизм может быть продуктивным и выражаться в творческой деятельности, в которой индивид находит (а точнее — конструирует сам!) тот самый недостающий смысл, о котором страдали романтики, о котором писал Франкл и др.

Для современной эпохи именно компьютерно-медийная виртуальная реальность становится главной «гиперреальностью» эскаписта, во многом заменяя собой предыдущие. Архидьякон Фролло в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», говоря о новом в ту эпоху явлении — появлении массового книгопечатания — пророчески заявляет «Вот это убьет то. Книга убьет здание»³⁶, подразумевая, что владычица дум — религия, материально воплощенная в ту эпоху в величественных готических соборах, уступает место новой владычице дум — литературе, которая с появлением книгопечатания становится достоянием масс. И если раньше именно к религии человек обращался в первую очередь в поисках того самого недостающего смысла, в бегстве от «суетности» бытия, то с момента массового распространения литературы, роль подобного источника смыслов и эскапистского «убежища» переходит к ней. Настала ли эпоха, когда «вот это убьет то» — компьютер убьет книгу и станет главным убежищем для человека, бегущего от рутины повседневности? Вероятно, да, это время уже настало. Однако как с появлением книг религия не прекратила свое существование, так и литература не исчезнет с появлением компьютеров и развитием современных средств коммуникации. И если именно компьютерная виртуальная реальность на данный момент легче всего удов-

летворяет человека в его потребности к отвлечению от рутины — мы не в состоянии ничего этому противопоставить. Кроме одного (и это должно являться одной из важнейших задач современного образования): демонстрации того, что индивид способен сам участвовать в создании «гиперреальности», что творческая деятельность привносит в жизнь значительно большее разнообразие и значительно более яркие и насыщенные смыслом впечатления, нежели пассивное восприятие компьютерной виртуальной реальности.

Эскапизм: попытка классификации

В данной статье был только намечен круг тем, связанных с проблемой эскапизма, и указаны «родственные» понятия, которые в дальнейшем следует рассмотреть более подробно. В заключение следует, однако, решить еще один вопрос, который является одним из наиболее важных: так ли необходимо использовать термин «эскапизм», не является ли он излишним, особенно когда мы говорим о деятельности сознания?

Ведь мы говорим о воображении, о фантазии, о творческих актах сознания — разве этого недостаточно? Однако, хотя эти способности человека крайне важны для эскапизма, тем не менее, эскапизм придает особый смысл их применению. Эскапизм связан с расщеплением сознания, с неклассическим подходом к сознанию и Я³⁷. Его главным содержанием является именно переход от одного образа субъективной реальности к другому, переключение с одного Я на другое. Эскапизм предполагает рассматривать то особое свойство нашего сознания, которое позволяет нам отрывать от непосредственного опыта и погружаться в состояния внутреннего мира. Таким образом, эскапизм играет роль «родового» понятия для таких рассмотренных выше понятий как расщепление сознания, вытеснение, сублимация, отчуждение и т.д.

Понятие «эскапизм» часто используется в качестве негативного ярлыка. Уже сама форма слова «-изм» предполагает, что эскапизм — это прежде всего поведенческая стратегия или даже учение, по аналогии с релятивизмом, реализмом и т.д., а не феномен. Тем не менее, в гуманитарных науках этот термин выходит за рамки продиктованного «-измом» прочтения.

³⁶ Гюго В. Собор Парижской Богоматери // Гюго В. Собрание сочинений. В 7-ми тт. Т. 1. М., 1993. С. 287.

³⁷ Лекторский В.А. Я // Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 173–184.

Можно провести некоторую классификацию в рамках эскапизма. Во-первых, мы можем подразделять эскапизм на активный и пассивный. К пассивному эскапизму относятся разнообразные способы проведения досуга и рекреации, в которых творческая активность сознания является низкой (например, просмотр телепередачи). Активный эскапизм (который нас интересует в первую очередь) предполагает активный творческий подход к воображаемой реальности, самостоятельное построение этой реальности, а не восприятие уже предложенной.

Во-вторых, эскапизм можно подразделить на внешний и внутренний. Это прежде всего относится к пространственно-временному измерению эскапизма. Внешний эскапизм — это «бегство», осуществляемое в реальном физическом пространстве — например, туристическая поездка или просто визит на дачу. Внутренний эскапизм (опять же, именно он прежде всего интересует нас с точки зрения эскапистского сознания) представляет собой смещение фокуса сознания на некое внутреннее, воображаемое состояние, в виртуальный мир, созданный сознанием индивида. Внутренний эскапизм представляет собой такое состояние, в котором фокус сознания смещается с восприятия внешнего мира на восприятие событий мира внутреннего.

И, наконец, в-третьих, можно разделять эскапизм на «мягкий» (умеренный) и «жесткий» (радикальный). «Мягкий» предполагает любую деятельность, ведущую к отходу от предписанной социальной активности, например чтение книг, просмотр фильмов, путешествия, занятия творчеством и т.д. Тогда как «жесткий» эскапизм проявляется в полном уходе личности в «другой мир», как это происходит, например, у определенной группы участников ролевых игр, где ролевой Я-образ начинает вымещать другие Я-образы. Таким образом, в ситуации мягкого эскапизма личность и Я не претерпевают радикальных изменений, тогда как в ситуациях жесткого эскапизма речь идет не только об изменении окружения, но и о трансформации собственной психики, о бегстве от своего собственного Я. Мягкий эскапизм предполагает переключение с одних Я-образов на другие, тогда как жесткий — трансформацию личностной идентичности в целом. В мягком эскапизме сознание и самосознание являются гибкими, происходит смена фокуса с созерцания внешнего мира на созерцание мира внутреннего, или же от построения од-

ной картины «виртуальной» реальности к другой. В мягком эскапизме сохраняется Я-наблюдающее, которое указывает на временность «бегства», тогда как в жестком эскапизме происходит полное «переключение гештальта», индивид воспринимает себя абсолютно другой личностью или принимает фантазию за действительность. Так, если «мягкий» эскапизм является необходимым условием для творческой деятельности, «жесткий» представляет собой патологическую ситуацию, кризис идентичности или потерю идентичности вовсе. Мягкий будет представлять собой состояние Я-в-измененных обстоятельствах, а жесткий — Другое Я. Так, в мягком эскапизме происходит пространственно-временное «перемещение» сознания, а в жестком — меняется само сознание, происходит не только смена Я-образа, но и самой идентичности в целом.

В качестве главного мотива в критике эскапизма постоянно присутствует мотив «бегства от реальности». Предполагается, что есть реальный мир — физический или социальный, но эскапист отрицает существование первого или же отказывается участвовать в предписанной ему деятельности во втором. Это «бегство» критикуется как фантазерство, непрактичность или малодушие. Полагается, что индивид погружается в мир иллюзий, отрицая то, что происходит вокруг него. Однако эскапизм в своей позитивной форме не заключается в *отрицании* окружающей действительности. В «бегстве» происходит расстановка акцентов, второстепенное для «мира» может оказаться важным для меня лично и т.д. В «бегстве» индивид дистанцируется от реальности, позволяя себе посмотреть на неё как бы из другого мира, в «бегстве» мы не погружены в события реального мира, мы будто наблюдаем их через стекло: мы осознаем их реальность, но они отделены от нас неким препятствием. Мы показали, что подобное состояние может описываться психологическим термином «диссоциация», однако если диссоциации в психологии подразумевают некоторое «отщепление» от личности части ее самой или ее восприятий, то в эскапизме сюда также относятся отщепление от себя собственного восприятия мира³⁸.

³⁸ Это, в свою очередь, в крайней степени можно сравнить с еще одним психическим явлением — дереализацией, особым нарушением восприятия, в котором окружающий мир воспринимается как нереальный или дистанцированный, отдаленный.

Большинство определений эскапизма сводятся к тому, что человек в ситуации стресса, кризиса или просто нежелания справиться с жизненными трудностями, стремится уйти от реального мира в мир иллюзий. Таким образом, эскапизм как правило рассматривается как социальная девиация или разновидность психического расстройства. И хотя и то, и другое относится к проявлениям эскапизма, это не является главным в данном феномене. Эскапизм же представляет собой вовсе не частный случай проявлений психики, обнаруживающийся в ситуациях кризиса, напротив, это одна из базовых, неотъемлемых способностей человеческой психики, неразрывно связанная с воображением, фантазией и познавательным инстинктом. Можно даже рискнуть сделать более смелое заявление: способность и тяга к эскапизму — это существенная черта человеческого бытия, одна из тех черт, которые проводят раздел между человеком и другими живыми существами, хотя даже животные за счет познавательного инстинкта стремятся расширить границы сферы своего обитания. Эскапизм отражает ту особенность человеческого сознания, что ему «тесно» в рамках здесь-и-сейчас-бытия, человеческая природа устроена таким образом, что

человек стремится к умножению миров, в которых обитает его сознание, ему недостаточно того мира, который дан ему в повседневном опыте, он не может жить *только* в нем. И в связи с этой особенностью человеческой психики имеет смысл говорить об эскапистском сознании как особой составляющей сознания человека, которое делает возможным этот выход за пределы объективной реальности. Писатель Джон Толкиен в эссе «О волшебных сказках», отвечая критикам эскапизма, пишет: «Почему... следует презирать человека, который, попав в темницу, пытается, во что бы ни стало, из нее выбраться, а если ему это не удастся, говорит и думает не о надзирателях и тюремных решетках, а о чем-то ином? Внешний мир не стал менее реальным от того, что заключенный его не видит»³⁹. С точки зрения Толкиена, нельзя винить человека за то, что он предпочитает реальность рыцарей на конях реальности автомобилей, за то, что он ищет мир, где можно победить голод, несправедливость, нищету, боль и даже смерть. Действительно, эскапистское сознание осуществляет «бегство» индивида от осознания своей конечности, и оно позволяет наполнить его жизнь смыслом, выходящим за пределы обыденности.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Философское толкование человека. М., 2012.
2. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М., 2010.
3. Кассирер Э. Философия символических форм. В 3-х тт. М.; СПб., 2002.
4. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М., 2010.
5. Лекторский В.А. Я // Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 173–184.
6. Маяцкий М. Курорт Европа. М., 2009.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2004.
8. Спирова Э.М. Зарождение антропологического смысла в символе // Философия и культура. 2011. № 9. С. 126–134.
9. Толкиен Дж.Р.Р. О волшебных сказках // Толкиен Дж.Р.Р. Возвращение Беорхтнота. М., 2001.
10. Труфанова Е.О. Единство и множественность Я. М., 2010.
11. Труфанова Е.О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. 2012. № 3. С. 96–107.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
14. Хёйзинга Й. Homo Ludens // Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М., 1997.
15. Черткова Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 47–58.
16. Эко У. История иллюзий. Легендарные места, земли и страны. М., 2014.
17. Eco U. Faith in Fakes. Travels in Hyperreality. London, 1998.

³⁹ Толкиен Дж.Р.Р. О волшебных сказках // Толкиен Дж.Р.Р. Возвращение Беорхтнота. М., 2001. С. 203.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. *Filosofskoe tolkovanie cheloveka*. M., 2012.
2. Dubrovskii D.I. *Obman. Filosofsko-psikhologicheskii analiz*. M., 2010.
3. Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form*. V 3-kh tt. M.; SPb., 2002.
4. Laplansh Zh., Pontalis Zh.-B. *Slovar' po psikhoanalizu*. M., 2010.
5. Lektorskii V.A. *Ya // Lektorskii V.A. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya*. M., 2001. S. 173–184.
6. Mayatskii M. *Kurort Evropa*. M., 2009.
7. Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto*. M., 2004.
8. Spirova E.M. *Zarozhdenie antropologicheskogo smysla v simvole // Filosofiya i kul'tura*. 2011. № 9. S. 126–134.
9. Tolkien Dzh.R.R. *O volshebnykh skazkakh // Tolkien Dzh.R.R. Vozvrashchenie Beorkhtnota*. M., 2001.
10. Trufanova E.O. *Edinstvo i mnozhestvennost' Ya*. M., 2010.
11. Trufanova E.O. *Eskapizm i eskapistское soznanie: k opredeleniyu ponyatii // Filosofiya i kul'tura*. 2012. № 3. S. 96–107.
12. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla*. M., 1990.
13. Fromm E. *Begstvo ot svobody*. M., 1990.
14. Kheizinga I. *Homo Ludens // Kheizinga I. Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury*. M., 1997.
15. Chertkova E.L. *Metamorfozy utopicheskogo soznaniya (ot utopii k utopizmu) // Voprosy filosofii*. 2001. № 7. S. 47–58.
16. Eko U. *Istoriya illyuzii. Legendarnye mesta, zemli i strany*. M., 2014.
17. Eco U. *Faith in Fakes. Travels in Hyperreality*. London, 1998.